

Харченко Дмитрий Сергеевич

СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В настоящей статье поднимается крайне актуальный вопрос, касающийся соотношения безопасности и свободы в современном правовом государстве. Исходя из того, что для обеспечения безопасности гражданам требуется пожертвовать частью свободы, которая демократическими государствами провозглашается наивысшей ценностью, автор анализирует различные способы установления контроля над населением, которые остаются в рамках закона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 189-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

В настоящей статье поднимается крайне актуальный вопрос, касающийся соотношения безопасности и свободы в современном правовом государстве. Исходя из того, что для обеспечения безопасности гражданам требуется пожертвовать частью свободы, которая демократическими государствами провозглашается наивысшей ценностью, автор анализирует различные способы установления контроля над населением, которые остаются в рамках закона.

Ключевые слова и фразы: свобода; безопасность; правовое государство; чрезвычайное положение; контроль; социальная философия.

Харченко Дмитрий Сергеевич

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
dima291189@mail.ru*

**СВОБОДА И БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Современное общество, существующее в рамках возросших глобальных рисков, с каждым годом все выше ценит безопасность. Под воздействием таких факторов, как терроризм, экстремизм и международная преступность, обеспечение безопасности приобретает все большую актуальность. В силу этого правительства западных демократических государств часто готовы ради обеспечения безопасности отказаться даже от значимой демократической ценности – свободы личности. Именно на этом вопросе – соотношении безопасности и свободы – в настоящей работе хотелось бы сосредоточить свое внимание.

Исторически государства, декларирующие себя как демократические, с гордостью заявляли о широте прав и свобод своих граждан. Однако современное демократическое общество, осуждая тоталитаризм, при этом не оставляет попыток построения безотказной системы управления людьми. Руководствуясь соображениями блага граждан, государство нередко идет на меры существенного ограничения свободы. В качестве основной причины при этом декларируется забота о безопасности населения.

Значительную роль в этом вопросе играет государство в охране безопасности людей. Поскольку именно государство занимается обеспечением безопасности граждан, оно же и определяет, в какой мере стоит ограничивать свободу ради безопасности. Само по себе появление государства ради безопасности сопряжено с ограничением человеческой свободы.

Для наглядности хотелось бы рассмотреть вопрос о максимальном ограничении свобод граждан, которое может ввести государство в целях безопасности, – введении чрезвычайного положения. Этот ход, по мнению ряда исследователей, является одним из наиболее важных, т.к. представляет собой своего рода уловку, которая позволяет государству временно применять неконституционные меры, оставаясь при этом в рамках закона. Так, Карл Шмитт писал: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [6, с. 15]. Возможно, определение суверена через данную функцию является определенным преувеличением, но, так или иначе, это право крайне важно и в современной социально-политической мысли привлекает все больше и больше внимания: например, у Дж. Агамбена этой теме посвящена целая работа [1].

Характерная особенность механизма ограничения свободы заключается в том, что ограничительные меры не рассматриваются населением как атрибут данного политического режима, а выглядят всего лишь вынужденной и временной мерой. Тем не менее, подобная временная неопределенность содержит в себе куда больше угроз для гражданских прав и свобод, чем может показаться на первый взгляд: вводя ограничения на неопределенный срок, государство может продлевать его настолько, насколько посчитает нужным. Таким образом, даже правовое демократичное государство имеет универсальный механизм управления гражданами.

Вопросы, связанные с чрезвычайным положением, приобретают особую сложность по той причине, что они лежат на стыке политики и права. Когда государство определяется как «правовое», под этим подразумевается, что право стоит выше действующей власти. При этом действующая власть сама является творцом закона. Таким образом, государство всегда может найти законные причины, позволяющие поставить себя при определенных обстоятельствах выше права. Отчасти именно по причине маскировки под относительную демократичность чрезвычайное положение является относительно новым изобретением. Так, Агамбен считал, что истоки чрезвычайного положения как феномена находятся во временах Французской революции [Там же, с. 13-14].

У чрезвычайного положения есть два осложняющих фактора: во-первых, как уже было сказано, срок, на который оно распространяется, определен неточно (или вовсе не определен). Во-вторых, временные меры, введенные в условиях определенных форс-мажорных обстоятельств, нередко со временем становятся полноправными законами [Там же, с. 23-29]. Исторически процесс трансформации чрезвычайных мер в форму постоянно действующих законов сложился как способ преодоления смутного состояния в государстве, например в случае династического кризиса или смены правительства. Однако во время смуты политическая сознательность, как правило, растет. Примером этого может служить тот факт, что сегодня в странах

«новой демократии» явка на выборы всегда максимальна, нередко приближается к 100%, в отличие от традиционно демократических стран. В случае с демократическими государствами, где политическая пассивность велика, правительство может манипулировать этим весьма успешно.

Поскольку объектом исследования является современное глобальное общество, которое хотя и является относительно нестабильным, тем не менее, не пребывает в условиях постоянной смуты, а потому политически пассивно, невольно возникает закономерный вопрос: на основании чего вводить чрезвычайные санкции? Казалось бы, в условиях социальной стабильности государство вполне может существовать в рамках действующего законодательства. Однако необходимо принимать в расчет и политический фактор.

Система правовых государств, так или иначе, ограничивает власть правительства, а значит, в определенных вопросах интересы правительства и закона могут сталкиваться. И именно в таких случаях начинается поиск особых обстоятельств, которые позволят, не меняя политического режима, провести необходимые изменения.

Подобная ситуация характерна не только для конкретной отдельно взятой страны, но и для глобального мира в целом. Безусловно, в современных условиях мы еще можем наблюдать ситуацию, когда одна конкретная страна или группа стран может определять политику всего мирового сообщества, и это обстоятельство в отдельных случаях затрудняет разграничение внутренней и внешней политики.

Если рассмотреть историю XX века, мы заметим, что блоки европейских стран всегда искали общего врага. В 30-40-х подобным врагом был фашизм, после Второй мировой войны – коммунизм. И здесь следует сделать существенное замечание – речь идет не о чисто стратегическом противостоянии одного блока стран другому блоку стран (что, безусловно, имело место), а именно об идейном противостоянии глобального общества, находящегося в процессе становления.

Так, в период Второй мировой войны в странах антигитлеровской коалиции в сознании людей воспитывалась не ненависть к Германии или немцам, но именно ненависть к фашизму и нацизму как идейно-политической установке. Поэтому после падения гитлеровского режима ненависть к немцам как народу относительно быстро исчезла, ненависть же к фашизму как идее закрепилась в сознании европейцев настолько, что сами немцы в процессе интеграции в европейское общество после войны стали яркими ненавистниками фашизма.

Таким образом, можно сделать вывод: чтобы создать устойчивый образ врага, этот образ не надо привязывать к конкретной нации или конфессии, так как глобальное общество априори многонационально и многоконфессионально. Врагом глобального общества должен быть идейный враг. Нельзя объявить врагами всех русских или всех жителей СССР, так как человек не выбирает, в какой стране родиться и к какому народу принадлежать. Но можно при этом объявить врагом коммунистов, так как вопрос симпатии конкретной политической силе – дело добровольное (по крайней мере, в сознании европейца).

После распада СССР и последовавшего снижения влияния коммунизма демократический Запад был вынужден искать нового идейного врага. И достаточно быстро такой враг был найден в лице «международного терроризма». Безусловно, речь не идет о том, что проблема международного терроризма не существует в реальности и полностью является конструктом сознания западных журналистов. Но та окраска, которую данному явлению придают СМИ, главным образом европейские, мягко говоря, искажает реальность.

Формирование образа идейного врага происходит при помощи целого ряда отработанных методов. Один из наиболее масштабных способов в случае с «международным терроризмом» – подчеркивание культурных отличий. Как отмечалось саратовскими исследователями, «диалог, мирное обсуждение больших проблем, поиск компромисса. Все это несколько наивно. Невозможно убедить вступать в диалог людей, сознание которых религиозно до фанатичности и не приемлет сторонних аргументов. Уступки террористам вызовут эскалацию выдвигаемых ими требований...» [5, с. 36]. В данном случае речь не идет о национальном различии, поскольку толерантный Запад, переживший ужасы нацизма, старается обходить эту тему стороной, но именно о культурном противостоянии. Все, что связано с культурой Ближнего Востока, начинает восприниматься европейцами как нечто не просто чужое, но враждебное.

В связи с этим хотелось бы обратиться к вопросу религиозных различий. Несмотря на толерантность западного общества в религиозной сфере, к исламу среднестатистический европеец относится крайне настороженно, если не резко отрицательно. Безусловно, существует целый ряд причин для конфликтов с мусульманами, но основной является именно принадлежность к исламу арабского мира, который тесно ассоциируется с терроризмом. В данном случае европейская цивилизация отходит от ценного для нее принципа толерантности ради того, чтобы провести четкую черту между собой и арабским миром. При этом в расчет не берется ни тот факт, что религиозный фундаментализм в случае с арабскими террористами является лишь идейным прикрытием, ни тот факт, что террористы встречаются и среди «цивилизованных» европейцев.

Мировое сообщество считает, что в целях международной безопасности оно имеет право вводить военный контингент в нестабильные регионы, регламентировать государствам объемы ядерного вооружения, принуждать отдельные государства к принятию тех или иных решений во внешнеполитической сфере, вмешиваться во внутреннюю политику в случае государственных переворотов, а в некоторых случаях – как это было с иранской ядерной программой – контролировать и вполне мирные процессы внутреннего развития государства.

При условии, что государство не способно само контролировать процессы, происходящие в нем, и постоянно подвергается какому-либо воздействию извне, возникает закономерный вопрос: стоит его вообще считать суверенным государством? Используя определение суверена, приведенное Шмиттом, можно говорить не о том, что развивающиеся государства являются подконтрольными развитым, но о более глобальном

процессе. Обратимся к вопросу о том, кто вводит чрезвычайное положение в развивающихся государствах. Решение, согласно которому то или иное государство признается неспособным контролировать свои внутренние процессы и тем самым угрожающим мировой безопасности, принимается не правительством конкретной страны, а международным правительством в целом. Это является наиболее явным признаком, что те надгосударственные объединения, которым до сегодняшнего дня отводилась лишь формальная роль, не только начали функционировать, но стали полноценными суверенными политическими структурами.

При всем этом едва ли можно обвинять в недемократичности как международное сообщество, так и правителей отдельных стран. В сознании среднестатистического жителя развитой европейской страны при помощи СМИ прочно сформированы «фобии» по поводу международного терроризма и иностранного вторжения. При этом объективный риск погибнуть в результате теракта или международного конфликта для жителя развитой европейской страны не так велик по сравнению обычным несчастным случаем. Тем не менее, из-за привязанности к комфорту и безопасности сами европейцы готовы пожертвовать существенной частью своих гражданских прав и свобод, таких как право на личную тайну, право на неприкосновенность жилища, право на свободу передвижения и т.д. Правительство в таком случае просто законодательно закрепляет волеизъявление своих граждан.

Существующее положение вещей заставляет задаться вопросом, на какие еще ограничения прав и свобод готовы пойти сами граждане и не превратится ли рано или поздно глобальное общество в общество тотального контроля, которое не раз описывали антиутописты, но которое будет создано на абсолютно добровольных началах. В условиях высокого риска, когда вопрос безопасности человека и государства временно выходит на первый план, как отмечал Беньямин, «ради нашей демократии можно принести любую жертву, тем более временно пожертвовать самой демократией» [2, с. 84].

Однако обозначенный вопрос имеет и другую плоскость развертывания. Рассмотрев схемы ограничения свободы, вполне логично далее задаться вопросом: насколько можно максимизировать свободу в социуме? С этой целью показательно рассмотреть некие догосударственные объединения. Так, по мнению некоторых исследователей [4], у кочевых народов, представляющих собой политическое объединение, но стоящих на догосударственном этапе развития, социальной свободы гораздо больше. Основной причиной этого является тот факт, что в отсутствие институциональной структуры у такого социума еще не выработан нормативный аппарат принуждения.

Но, тем не менее, такие общества уже представляют собой политические образования, так как в них уже имеется система управления и, что более важно в контексте данного вопроса, возможность защиты членов данного общества как от посягательств со стороны «чужаков», так и от прочих неблагоприятных обстоятельств.

Хотелось бы также заметить, что говорить о свободе всегда следует в контексте какого-либо социума. Вне социума свобода не может найти себе реализации, поэтому полный выход человека из человеческого общества (например, отшельничество) не является способом обретения свободы, а напротив, является утратой возможности ее реализации.

Разумеется, речь не идет о том, что в качестве альтернативы современному обществу контроля следует предпочесть догосударственные формы. В качестве альтернативы должны выступать структуры, подобные тем, которыми управлялись такие общества. Например, подобную роль может играть гражданское общество.

Если проводить параллель между гражданским обществом в сегодняшнем его понимании и системой управления в древних обществах, можно найти ряд существенных сходств. Во-первых, управленческие права каждого конкретно взятого человека не уменьшаются и не делегируются. Во-вторых, вопросы решаются не количественным большинством, а качественным, т.е. в общественной жизни принимают участие наиболее достойные и уважаемые люди.

Однако в системе, где гражданское общество уравнивает государство, не позволяя уменьшать свободу людей без существенной необходимости, крайне высокие требования предъявляются к отдельным индивидам. Как уже было отмечено, как правило, различные меры по уменьшению свободы поддерживаются большинством людей. Более того, не исключена определенная вероятность того, что общественность сама санкционирует подобные меры. Таким образом, приходится констатировать, что вопрос этот детерминирован не только системой государственного устройства, но и ценностями людей.

При этом следует отметить, что в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою, по причине различия ценностей, выбор того, какую из перспектив следует поддержать, также будет различен. Ряд исследований свидетельствует [3], что чем ниже материальное благосостояние человека, тем более он ценит свою собственность, а значит, вопрос личной и имущественной безопасности будет для него приоритетнее вопроса гражданской свободы. Люди же, принадлежащие к более обеспеченным слоям, имеют прямо противоположные взгляды по данному вопросу. Это можно объяснить различными причинами.

Одно из объяснений этого различия заключается в том, что люди, принадлежащие к бизнес-элите, достаточно легко зарабатывают деньги и при этом уверены в своей успешности, что смягчает вопрос имущественной безопасности – даже в случае краха у них сохранится уверенность в том, что материальное благосостояние можно восстановить в предельно короткие сроки. В отношении вопроса личной безопасности сложнее уловить связь между социальным положением человека и его опасениями. Однако все же можно отметить, что у малообеспеченных людей большая часть страхов смерти связана с тем, как без них будут выживать их дети. У более обеспеченных людей этот вопрос не стоит так остро по причине того, что капитал, который дети получают в наследство, решит вопрос выживания.

Еще одной причиной указанной ценностной ориентации является то, что представители высших социальных слоев более образованны и склонны к объективному анализу происходящего. В противовес этому менее образованные социальные низы достаточно просто верят как в предрассудки, порождаемые самим социумом, так и в пропаганду СМИ. Поэтому если при попытке СМИ намеренно сформировать идеологический образ врага менее образованные слои населения воспримут это так, как это было преподнесено, то более образованные люди поймут, что в этом присутствует доля вымысла.

Уходя от влияния социальных различий, хотелось бы отметить, что хотя и в меньшей степени, но выбор свободы или безопасности детерминируют и другие факторы. Так, например, весьма существенным в данном контексте представляется возрастное различие. Поскольку люди старшего возраста более консервативны, вопрос безопасности будет выходить на первый план. Для молодежи же, напротив, крайне важна свобода для реализации своих жизненных планов.

Определенную, хотя не слишком существенную роль играют гендерные различия – поскольку женщины, во-первых, по природе своей более консервативны и менее склонны к активной деятельности, чем мужчины, а во-вторых, в ходе истории имели гораздо меньше возможности для реализации свободы, свобода для них является меньшей ценностью, чем для мужчин.

Разумеется, различия, обуславливающие выбор свободы или безопасности в качестве высшего приоритета, не исчерпываются вышеприведенными. При более глубоком рассмотрении вопроса подобных различий можно выделить намного больше, но цель настоящего исследования к этому не сводится. Данные различия были показаны для того, чтобы проиллюстрировать, что среди населения существуют две константные группы, одна из которых более ценит безопасность, другая – свободу. При этом также существует и достаточно большая третья группа людей с неустоявшимися ценностными установками, которую относительно легко склонить как в одну, так и в другую сторону.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Материально обеспеченные и занимающие высокое положение в обществе люди ценят свободу. Также свободу ценят те категории населения, которым нечего терять, – маргиналы. Средний же класс, а также прослойка ниже среднего ценит безопасность. Несмотря на то, что демократия сама по себе провозглашает свободу высшей ценностью, из-за того, что «общественное мнение» определяет наиболее многочисленный средний класс, сегодняшнее глобальное общество склоняется к обеспечению безопасности в убыток свободе.

Примечателен тот факт, что государство, помимо влияния на людей через СМИ с целью выработки ценностного отношения к безопасности, всячески поддерживает те группы населения, которые изначально склонны к безопасности как ценности. Наделение всех равными политическим правами на выборах – мера, играющая в пользу сторонников безопасности, так как социальный слой малообразованных и относительно небогатых людей, ценящих комфорт и безопасность, численно больше, чем слой более образованных и прогрессивных. Все руководящие посты занимают преимущественно люди старшего поколения, не допуская более свободолобивую молодежь к управлению. Феминизация как в области управления, так и в области СМИ, чрезмерно насаждаемая гендерная толерантность в западных странах – еще одна попытка сместить ценностные акценты со свободы на безопасность.

Стоит заметить, что тенденция на ограничение свободы граждан проявляется не во все исторические периоды. Если обратиться к истории США на этапе заселения колонизаторами, мы не увидим в ней существенных ограничительных мер. Это вполне объяснимо – в этот период стране была необходима максимальная социальная активность, а потребности в безопасности отходили на второй план. Такая же ситуация складывалась и во времена Великой депрессии. Аналогичные примеры можно найти и в истории других стран. Поддерживать в людях стремление к свободе или к безопасности – государство решает в зависимости от того, что в данный момент времени необходимо для его процветания.

Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам. Сегодня для большинства западных стран (а вместе с тем и глобального мира) наиболее необходима стабильность, поэтому в культ возводится безопасность. Напротив, ряду развивающихся стран необходимы срочные, действенные инновационные решения, в результате чего они вынуждены вставать в оппозицию к Западу, делая акцент на стремлении к свободе. И тот и другой путь имеет свои преимущества и свои недостатки, но оба оправдывают обстановку, складывающуюся в конкретном регионе в конкретное время. Говоря о поиске баланса, следует иметь в виду, что в глобальном обществе не должен преобладать ни тот ни другой путь: меры раздела ресурса власти должны быть выстроены так, чтобы как у сторонников свободы, так и у сторонников безопасности было одинаковое политическое влияние. Проблемы же конкретной страны в вопросе дихотомии свободы и безопасности неизбежно решаются в зависимости от социально-политической обстановки и должны динамично меняться вместе с ней.

Список источников

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 81-90.
3. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135-160.
4. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Мысль, 2006. 461 с.
5. Орлов М. О., Данилов С. А., Аникин Д. А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 32-37.
6. Шмитт К. Политическая теология: сборник. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 336 с.

FREEDOM AND SECURITY IN THE LEGAL STATE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Kharchenko Dmitrii Sergeevich*Saratov State University**dima291189@mail.ru*

The article raises an extremely topical issue concerning the relationship between security and freedom in a modern legal state. Proceeding from the fact that for security reasons citizens are required to sacrifice some of the freedom that is presented as the highest value by democratic states, the author analyzes various ways of establishing control over the population, which remain within the law.

Key words and phrases: freedom; security; legal state; state of emergency; control; social philosophy.

УДК 1.91

Философские науки

В статье рассматривается применяемая Томасом Гоббсом методология исследования политического. К методам, широко известным как «научный» и «риторический», предлагается добавить феноменологический, направленный на исследование внутренних предписаний «истинного разума» и аффектов. Феноменологический метод используется Гоббсом для преодоления разрыва между физическим и психическим, установления между физикой и морально-политической философией отношений, подобных более поздней «супервентности».

Ключевые слова и фразы: Гоббс; метод; рациональность; феноменология; психология; супервентность.

Чалый Вадим Александрович, к. филос. н., доцент*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград**vchaly@kantiana.ru***ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ГОББСА**

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-50202 «Становление концепций политической рациональности в философии раннего модерна».

Философия Томаса Гоббса в современной литературе рассматривается в контексте становления рационалистической методологии политики, отличной от средневекового теологического подхода и подхода «риторического», плода переосмысления Ренессансом наследия античности. *Scientia Civilis*, основанная на знании «естественного закона», вытесняет религиозный взгляд на власть, основанный на спекулятивном понимании трансцендентного, и гуманистический взгляд, опирающийся на глубокую, но несистематичную мудрость древних. Гоббс поднимает до новой высоты работу по рационализации и секуляризации политического, начатую Макиавелли: там, где великий флорентиец останавливается на простой фиксации игры природных сил, великий англичанин выстраивает вдохновлённые точными и естественными науками теоретические модели, предназначенные для объяснения и предсказания этих сил и управления политическим процессом. Теория Гоббса сохраняет связь с политической теологией прошлого, он по-прежнему уделяет большое внимание религии и как фактору политической жизни, и как материалу для обоснования своих идей, однако многие библейские сюжеты получают радикально новую интерпретацию. Наиболее ярко это проявляется в гоббсовском истолковании «завета» как образца для договорных отношений между людьми. Гоббс также сохраняет связь с ренессансной «риторикой», значение которой, однако, оценивается современными интерпретаторами по-разному.

Цель данной работы – попытаться выделить ещё один инструмент методологии Гоббса – феноменологический. Значение этого метода велико для всей философии Гоббса, однако нас здесь интересует только морально-политическая феноменология.

В самом широком смысле феноменологическим является подход к обоснованию знания «от первого лица», от подвергнутого анализу индивидуального опыта, содержащего некие явления. В том, что Гоббс использовал этот подход, нет ничего нового и удивительного: например, ещё Лео Штраус указывает на то, что одной из важнейших новаций Гоббса является обоснование категории естественного права как «абсолютно оправданного субъективного притязания», «зарождающегося в человеческой воле» [10, р. VIII]. Штраус также указывает на влияние картезианского сомнения и феноменологического метода: Гоббс, по его словам, дал более точное и последовательное применение методу Декарта в моральной философии, что позволило вскрыть фундаментальное значение *страха* как базового политического мотива (в противовес декартовскому *величию*, восходящему к представлениям античности) [Ibidem, р. 56-57].

Феноменологический подход в моральной философии имеет древнюю историю, его истоки можно обнаружить уже в предписании «познай самого себя» и связанном с ним допущении, что это позволит обрести